

тон национального самосознания (*горжусь тем, что у нас рождались такие люди*).

Аксиологический модус ответов не всегда положителен. Часть опрашиваемых сопротивляется информационному насилию, отрицательно реагируя не столько на личность Скорины, сколько на формальное преподавание (*эмблема ненависти к белорусской литературе*), лавинообразную пропаганду (*про него так много везде говорят, что уже надоело слушать*), бездумную и неоправданную идеологизацию имени (*штамп национальной гордости*).

В отдельную группу выделим ответы, авторы которых прямо указывают на нулевую значимость для себя имени Скорины: *Скорина воспринимается как абстрактный образ, не имеет для меня никакого значения, только название проспекта, это улица в моем городе, вопрос на экзамене, для меня он ничего не значит, абсолютно, так же, как Шекспир*. Отсутствие объективного знания о лице и, как следствие, мнения о нем, ассоциативные реакции метонимического типа ("проспект", "улица", "экзамен", "Шекспир") – все это указывает на то, что языковой знак "Скорина" не репрезентирует соответствующий концепт в сознании респондента. Впрочем, последний ответ при ближайшем рассмотрении оказывается вполне информативным. Если респондент предиктирует одно ИС (Скорина) через другое (Шекспир), мы вправе предположить, что он подсознательно ощущает параллелизм этих имен: их прототипичность, соотношенность во времени (эпоха Возрождения), пространстве (Западная Европа), творческом поле (литературная деятельность).

Подобные опросы, позволяющие "зондировать" "возможный мир" носителя языка, выявлять объем содержания концепта, могут быть полезными при определении культурной политики общества, ее планировании и корректировке.

Обширный корпус текстов-персоналий играет заметную роль в процессах социализации личности, особенно в овладении культурной ролью представителя нации: концептуализируя ИС, принадлежащее прошлому, они приобщают читателя к истории и культуре своего этноса.

¹ Кибрик А.А. Когнитивные исследования по дискурсу // Вопросы языкознания. 1994. № 5. С. 126.

² Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1997. С. 50.

³ Арутюнова Н.Д. Положение имен лица в русском синтаксисе // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1975. Т. 34. № 4. С. 342.

⁴ Семенов С. Создать теорию жанра // Вопросы литературы. 1973. № 10. С. 52.

⁵ Белы А. Мэдальерны вобрас Скарыны // Плацак. 1991. № 1. С. 8.

⁶ Фуко М. Что такое автор? // Лабиринт. 1991. № 3. С. 32–33.

⁷ Голосовкер Я.Э. Логика мифа. М., 1987. С. 128.

⁸ Прохорова С.М. Культурный фон ключевых слов // Язык и культура. Киев, 1993. С. 92–95.

⁹ Короткевич В. Экзамен в Падуе // Неман. 1967. № 8. С. 157.

¹⁰ Гурская Ю.А. Культурогенные возможности лингвистического знака: ключевые имена в русском и белорусском языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Мн., 1995. С. 8.

¹¹ Кім ганарыцца моладзь // Свабода. 1995. 10 лют. С. 3.

¹² Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М., 1996. С. 49.

Воронцова Елена Григорьевна – аспирантка кафедры прикладной лингвистики БГУ. Научный руководитель – доктор филологических наук С.М. Прохорова.

И.Э. РАТНИКОВА

ТОПОНИМИКА И МЕТАФОРА

Распространенное суждение о том, что имена собственные в определенных контекстных условиях типа «Мы с тобой – Гималаи...» могут «приобрести нарицательный смысл», настолько обыденно, что мы не замечаем заключенный в нем терминологический парадокс. Данная особенность они-

мов скорее наводит на мысль о диалектике языкового процесса, отсутствии неизблемых границ между категориальными классами. Исследуемый нами материал придает мыслям по поводу этой, казалось бы, бесспорной (и банальной) истины несколько иное направление, ставя вопрос о том, в какой мере термины «собственное» и «нарицательное имя» в данном контексте адекватны своему исходному толкованию. Что есть имя собственное, обладающее «нарицательным смыслом»? Происходит ли в подобных случаях формирование ситуативных концептов как первоначальных представлений, стимулирующих порождение новых лексико-семантических вариантов? Имеем ли мы дело с трансформацией семантики имени собственного, приводящей к категориальному сдвигу? Наконец, каков речемыслительный механизм семантических процессов в контекстах типа *Куда нам двигаться: в родной «коммунистический Египет» или продираться в землю обетованную, к свободе?* (Известия. 2000. 18 февр.).

Эти вопросы в свою очередь неизбежно обращают нас к базисной проблеме ономастической семантики. Что представляет собой сигнификат актуализованного, или, по А. Гардинеру, «воплощенного», онима (т. е. связанного с определенным референтом): фикцию, набор классификационных сем или индивидуальное понятие, отражающее специфические черты объекта? Традиционная трактовка сигнификата как понятия о *классе* объектов лежит в основе традиционной же для литературы по русской ономастике точки зрения, поддерживаемой авторитетом таких выдающихся лингвистов, как Л.В. Щерба, О.С. Ахманова, М.В. Никитин, А.В. Суперанская, Н.И. Толстой, В.Д. Бондалетов, Н.В. Подольская и др. Суть ее в том, что сигнификат онима (наличие которого, кстати, не является общепризнанным) включает лишь семы классификационного типа, такие как проприальность, единичность, национальная принадлежность, «введение в ряд» (термин В.А. Никонова), т. е. не содержит ничего «номинативного». Вся индивидуальная информация, связанная с референтом, есть сфера прагматического или энциклопедического значения имени собственного, актуализированного в речи. Логично, что с этих позиций случаи нарушения первичной денотативной ориентации онимов в контексте, когда уже невозможно отрицать наличия в их смысловой структуре понятийных сем, однозначно связываются с переходом имен собственных в лексико-грамматический класс нарицательных (что на метаязыке ономастики определяется как контекстуальная апелляция или деонимизация).

Однако многовековая история научных изысканий в области семантики имени собственного свидетельствует о том, что не менее «живучей» оказалась и противоположная позиция, которая выразилась в идее «большого значения»: «Я осмеливаюсь утверждать, – писал О. Есперсен, – что имена собственные (в том виде, как они реально употребляются) означают наибольшее количество признаков»¹. В современной литературе сигнификативную семантику имен собственных определяют также через концепты «единичное понятие», «представление», «образ»². Н.Ф. Алефиренко говорит о наличии особого типа сигнификатов, «представляющего собой отражение существенных признаков *единичного* объекта именования. Существенные признаки единичного объекта эксплицитно выражаются дескрипцией – описательной языковой конструкцией типа «тот..., который...», «такой, ... что» <...> Дескрипции, таким образом, передают сигнификативное содержание ономастического значения и поэтому по отношению к именам собственным являются идентифицирующими словосочетаниями»³.

Итак, мы будем оценивать семантические аномалии, обнаруживаемые онимами в речи, исходя из того что имя собственное соотносится со своим референтом (объектом реального мира) через отражение последнего в сознании в виде единичного понятия. В соответствии с этим значительную

часть случаев семантической трансформации онимов при вторичной номинации и образной предикации мы будем трактовать как особую разновидность метафоры. Мы рискуем оспорить мнение, что «имена собственные могут приобрести нарицательный смысл, но не порождают метафоры»⁴. Данное утверждение обосновывается тем, что сравнение с индивидуальным объектом обычно не преступает границ естественного класса и что, кроме того, «лексикализация значения имени собственного обычно не связана с образным представлением об индивиде»⁵. При этом игнорируется специфика сигнификата и денотата онима, которая определяет суть отличий ономастической метафоры от метафоры в сфере апеллятивных единиц. Сравнение объектов, принадлежащих одному классу, не может привести к метафоре в сфере апеллятивных имен (им соответствует одно или близкие понятия), но порождает метафору в пространстве имен собственных (им соответствуют абсолютно разные индивидуальные понятия). Терминами сравнения ономастической метафоры могут быть объекты, представляющие один и тот же класс: за собственными именами стоит мир единичных объектов, которые мыслятся не как члены класса, но как уникамы. Метафорическое значение порождается совмещением мыслей о двух разных индивидуальных объектах, наложением двух индивидуальных образов, или, по выражению Б.М. Гаспарова, «эффектом палимпсестного наложения»⁶.

Ниже мы рассмотрим топонимические метафоры (ТМ), встречающиеся в российской и белорусской прессе, и продемонстрируем их роль в категоризации различных ситуативных концептов, заполняющих «пустые клетки» понятийной сферы носителей русского и белорусского языков.

Релятами (вспомогательными субъектами) ТМ являются, как правило, географические именованья, относящиеся к прецедентным феноменам интеркультуры, т. е. широко известные, входящие в когнитивную базу носителей интеркультуры и регулярно актуализирующиеся в речи: *Вільня – беларускі Ерусалім* – по поводу того, что некоторой частью белорусов Вильнюс воспринимается не только как историческая, но и как современная культурная, духовная столица Беларуси (Наша ніва. 1999. 25 кастр.); *Французские коммунисты устроили Зюганову Аустерлиц* – т. е. объявили, что не хотят видеть российских коммунистов на своем партсъезде (Известия. 2000. 26 февр.). Первичная семантическая функция топонимов (и онимов вообще), как известно, состоит в индивидуализирующей номинации объекта и его идентификации. Но, тяготея изначально к индексальным знакам, имя топоса «потенциально открыто для указания, осложненного характеристикой, содержит в себе своего рода пустоту, которая может принять множество семантических признаков». Лексический фон имени собственного, отражающий культурную семантику географического объекта, помогает топониму развить вторичную семантическую функцию, реализующуюся в особой разновидности метафоры. Очевидно, что имеющиеся в языковой системе вербальные единицы не исчерпывают всех возможностей комбинаторики элементов значения. В ходе когнитивного освоения изменяющейся реальности складываются такие комбинации смыслов, которые не имеют на уровне языка специализированных форм выражения. Понятийные лакуны заполняются ситуативными концептами, которые формируются, в частности, на основе энциклопедической информации того или иного топоса и стремятся воплотиться в единых вербальных знаках. При этом индивидуальное именованье топоса в метафорическом значении становится контекстуальным заполнителем вербальной лакуны: *Чечня* – о терроризме исламских боевиков, похищении людей, издевательствах над заложниками: *Чечня в тропических джунглях: драма заложников на Филиппинах поможет Западу понять Россию* (Известия. 2000. 11 мая); *Ирландия* – о регионе, насильственно присоединенном к империи и ведущем борьбу за националь-

ную государственность: *У нас – республики небольшой и унитарной – нет своей Ирландии* (Комсомольская правда. 2000. 21–28 апр.).

В нескольких случаях ТМ оказались способны заполнить понятийные и номинативные лакуны не только в контексте, но и в системе языка, перейдя таким образом в разряд «стертых»: *ходынка* «сильная давка с жертвами при большом стечении народа», *палестина* «местность, край», «обширное пространство»; *мекка* «место, являющееся объектом стремлений, частых посещений»; *бастилия* «крупная политическая тюрьма»; *бедлам* «сумасшедший дом», «хаос, неразбериха»; *вандея* «очаг контрреволюции» и др.

Типология живых ТМ может базироваться на таких основаниях, как: а) характер основного субъекта метафоры; б) структура метафоры, определяемая тем, эксплицирован ли в ней основной субъект; в) характер ассоциаций, лежащих в основе соположения географических объектов и их концептов; г) типы сравнения как мыслительной операции, предвосхищающей метафору. В рамках данной статьи мы прокомментируем типы ТМ, выделяемые нами на основании первых двух признаков.

Типы ТМ по характеру основного субъекта. Типичной областью действия ТМ является сфера географических объектов и/или связанных с ними событий: *месны Брэдвей, беларуская Рыўера, новый Вьетнам, европейский Гонконг*. Названная группа составляет более 80 % отмеченных нами случаев метафорической деривации в рамках топонимов. Реже основным субъектом ТМ является абстрактная сущность, трактуемая через ассоциативный потенциал топоса: *За путинскими намеками стоит желание уберечь новое правительство от московской «византии»* – по поводу изощренного искусства дворцовой интриги в Кремле (Белорусская деловая газета. 2000. 5 мая); *Каждый должен искать свои Дарданеллы* – о способе прорыва, выхода из тяжелого экономического положения (Известия. 1998. 23 сент.). В подобных случаях мы имеем дело с онтологической метафорой, т. е. способом трактовки идей, эмоций, состояний, образа действий и т. п. через ассоциации с реальными объектами. Это один из универсальных принципов метафорического мышления – уподобление того, что недоступно непосредственному наблюдению, тому, что можно наблюдать непосредственно. К данной группе близки ТМ, используемые для гиперболической оценки денотата: *Мир британского балета сотрясается от скандала и Монблана вопросов* (Комсомольская правда. 2000. 3 июня); *Речь по традиции была сдобрена словесной Ниагарой обещаний* (Белорусская газета. 2000. 31 янв.); *Дунай мысли* – о Чаушеску в годы его правления (Итоги. 1999. № 51).

Структурные типы ТМ. В метафорах первого типа основной субъект эксплицирован, соответственно, они обладают четко определенной референцией: *В Вуковаре* [город в Боснии. – И. Р.] – *втором Сталинграде* – *он действительно был* (Известия. 1998. 30 дек.); *Кристофер-стрит* – *это их* [сексуальных меньшинств. – И. Р.] *Красная Пресня* (Свободные новости. 1999. № 40); *С берегов славянского Сиона* – *Немана* – по поводу движения славянской интеграции «Всемирный конгресс славян» (Белорусская деловая газета. 1998. 2 марта). ТМ этой группы мы определяем как **интеракционные**. Механизм их, по Максуду Блэку, заключается в том, что «к главному субъекту прилагается система «ассоциируемых импликаций», связанных со вспомогательным субъектом... Метафора в имплицитном виде включает в себя такие суждения о главном субъекте, которые обычно прилагаются к вспомогательному субъекту. Благодаря этому метафора отбирает, выделяет и организует одни, вполне определенные характеристики главного субъекта, и устраняет другие»⁸. Интеракционные метафоры предполагают семантический **сдвиг** при формировании производного речевого ЛСВ топонима.

Метафоры второго типа, с имплицитным основным субъектом, имеют, соответственно, «расплывчатую» референцию: *Расія можа мець і свае ўласныя Віскулі* (Літаратура і мастацтва. 1998. 18 верас.); *надсадный плач Зюганова о демократическом Освенциме* (Известия. 1998. 26 нояб.); *Еще больше тех, кто симпатизирует превращению России в рядовую Бразилию* (Московские новости. 1999. № 37). Метафоры данной группы мы считаем **субститутивными**. Имя географического объекта замещает сложную описательную конструкцию, с помощью которой могла бы быть передана некоторая устойчивая комбинация смыслов. Например, концепт (т. е. первоначальное представление, стимулирующее порождение слова), отражающий такой фрагмент действительности, как «богатая природными ресурсами, но экономически и политически слабая страна», объективируется в переносном лексико-семантическом варианте лексемы *Бразилия*. Данный лексико-семантический вариант – результат **расширения** прямой семантики топонима за счет трансформации фоновых сем в понятийные.

Стимулом для использования ТМ часто является социальный заказ, необходимость квалифицировать то или иное общественное явление, установить его значимость, введя его в более или менее широкий исторический контекст. Историко-культурные события являются одной из составляющих топонимических концептов – как, с другой стороны, и топоним является важнейшим элементом концепта события. (Не случайно типичной деривационной моделью топонимических полисемантов является метонимия типа *название места – название события по месту*: **Чернобыль** «радиационная авария в Чернобыле», **Нюрнберг** «судебный процесс над военными преступниками в Нюрнберге»). Дальнейшие мыслительные и языковые действия включают анализ признаков концепта-прообраза (термин М.В. Никитина), выбор ракурса для его характеристики, ассоциативный поиск концепта-образа с сопоставимыми признаками, установление ассоциативной связи, воспроизведение соответствующего топонима и, наконец, наложение и синтез концептов.

Метафорически употребленные топонимы, как и другие единицы второго уровня ономастической системы, помогают преодолевать неадекватность наличных языковых средств потребностям говорящего, являясь достаточно оригинальным способом обозначить то, для чего в языке нет прямого обозначения, не вводя новые словарные единицы и не усложняя синтаксическую структуру высказывания.

¹ Есперсен О. Философия грамматики. М., 1958. С. 72.

² Карпенко Ю. А. Специфика имени собственного в языке и речи // Proceedings of the 13 Congress of Onomastic Sciences. Crakow, 1981. P. 84.

³ Алефиренко Н. Ф. Спорные проблемы семантики. Волгоград, 1999. С. 153.

⁴ Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1999. С. 280.

⁵ Там же.

⁶ Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М., 1996. С. 264.

⁷ Лукин В. А. Художественный текст. Основы лингвистической теории и элементы анализа. М., 1999. С. 30.

⁸ Блэк М. Метафора // Теория метафоры: Сборник. М., 1990. С. 167.

Ратникова Ирина Энгелевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка БГУ.

І.І. НАВАСЕЛЬЦАВА

МАСТАЦКА-ВЫЯЎЛЕННЫЯ СРОДКІ І ФОРМЫ ІХ ВЫРАЖЭННЯ Ў ПАЭТЫЧНАЙ МОВЕ НІЛА ГІЛЕВІЧА

Адным з найважнейшых прыёмаў стварэння мастацкага вобраза ў літаратуры, пры якім слова набывае вельмі актыўны выяўленчы характар, вы-

